

**Пако
РАБАНИ:**
**«У меня больше нет
желания шокировать»**

Людмила КОВАЛЕВА,
Париж

Взять интервью у Пако Рабанна сегодня практически невозможно. Не потому, что за те 30 лет, что он в моде, Пако уже все всем сказал. И не потому, что Пако больше не создает коллекцию от кутюр, а значит, и говорить ему уже не о чем. То есть как это не о чем? Про Пако можно сказать всегда, есть о чем поговорить с человечеством — а именно такие у него масштабы мироощущения. Оно космическое. Он говорит: "Мы земляне", "В нашу эру", — точно он уже вышел на контакт и с неземной цивилизацией теперь объясняется... Пако, с его хроническим интересом ко всему

сверхъестественному, давно уже не простой смертный. Про то, как на Пако однажды нашло **затмение**, — этот анекдот войдет в историю человечества. Ровно год назад причудилось Пако, что в день августовского затмения 1999 года город Париж со всеми его жителями сгорит, провалится в тартарары... По результатам этих своих ощущений Пако Рабанн выпустил книжку в престижном издательстве Мишеля Лафона, которую мгновенно раскупили, — интересно же народу, как это так: всем миром и в тартарары. Пако уточнил версию: "Ну, может быть, например, русская станция "Мир" на Париж упадет". Затмение происходит, станция "Мир" плавают в космосе, Париж себе стоит. Фо-

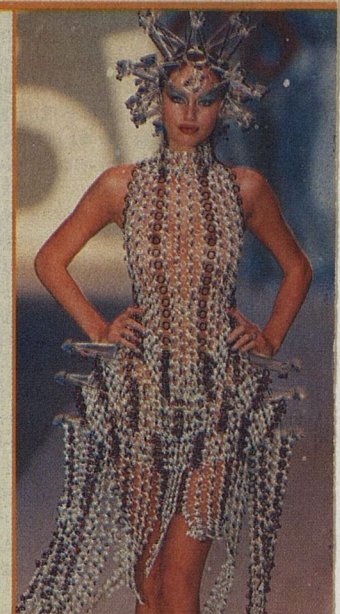
кус не получился. Пако пришлось публично извиняться в печати. Предсказание не сбывалось, репутация подмочена, издатель срочно посылает под нож остаток тиража, парижане ругаются, плюясь, вылезают на свет божий из подвалов своих деревенских дач. Полюбуйтесь — Париж! А нука дайте сюда того, кто... Но нет, его быстро простили, Пако любят. Зато сам Пако себе не простил. Пако замолчал. Ни интервью, ни публичных выступлений, ни даже коллекций. Ну, расстроился человек, вы же видите.

— **То, что дом Пако Рабанна решил прекратить представление коллекции от кутюр, имеет ли это отношение к прошлогодней истории?**

— Решение прекратить создание

моделей от кутюр было принято почти два года назад и никакой связи с этим делом не имеет. Объяснение просто: для рентабельности дома от кутюр нужны клиенты, а их нет. Я прекратил создавать такие коллекции, и мне, конечно, очень грустно. Но выживание моего предприятия — вещь более важная, чем мое состояние души. Я думаю, что еще имею возможность сделать многое для моды. Я бы хотел продолжать удивлять своими созданиями. Я не чувствую себя без работы, поскольку занимаюсь двумя модными линиями: линия Пако Рабанна для женщин-люкс и линия Пако для мужчин и женщин с приемлемыми ценами.

— **Правда ли, что ваша мать бы-**

Живопись теперь влечет Пако Рабанна куда больше, чем мода.

ла марксисткой?

— Моя мать была коммунистка, да, пламенная женщина. И я сам был членом союза молодых коммунистов. Благодаря этому я рано проникся симпатией к России. Я был в России впервые в 1953 году вместе с молодежной делегацией. Видел Сталина и даже пожал ему руку.

— Какое впечатление на вас произвела манера советских людей одеваться?

— В то время, я думаю, нельзя бы-

ло вести речь о какой-то моде, ее не было. В Советском Союзе я замечал, что люди одеваются в соответствии с тем, где они работают. Это была одежда социальная, функциональная, а не модная.

— А вы знаете, по-русски «Сталин» — это звучит почти так же, как «железный»? А ведь ваш излюбленный материал — металл.

— Коко Шанель называла меня металлургом, но, знаете, когда создаешь, ты это делаешь для себя, а не

для других.

— Вы первый начали использовать бумагу, пластик, резину...

— В ту эпоху 60-х, когда я начинал, художники уже вовсю работали с нетрадиционными материалами. Сото, например, или Лусьо Фонтан — они творили из пластика, из жести, из алюминия. В медицине тоже появились все эти тьюбики из алюминия. Это было торжество железа в быту. А я только увидел эту тенденцию, перенес ее в область высокой моды. Индустрия в 60-е годы стремительно развивалась. Появилось много отходов, я нашел возможность использовать эти отходы при производстве вечерних платьев, это было новшество. Например, была у меня вечерняя блуза из разрезанных пластиковых бутылок. Я создавал вечерние костюмы из выброшенных на помойку микросхем... Знаете? Из алюминия, такие блестящие. Я создавал шляпы из деталей, которые на фабриках обычно используют для изготовления обуви.

— Эти вы тоже на помойке нашли?

— Нет, на обувных фабриках.

— А у вас еще были свадебные платья из бумаги.

— Что может быть лучше этого материала для платья, которое вы

наденете единственный раз в жизни!

— Вас сейчас практически нельзя увидеть в Париже, вы нигде не появляетесь. Говорят, что у вас чуть ли не депрессия.

— Я живу с чувством, что должен переждать время. Сейчас я делю свой досуг между Парижем и домом, который я снимаю в местечке Анеси. Меня вдохновляют тамошние места. Особенно люблю озеро. Я провёл там осень и зиму и чувствовал себя в покое.

— Кто занимается декором вашего дома?

— Я снимаю дом. Может быть, я даже куплю его.

— Чем заполнены ваши дни в этой деревне?

— Я читаю научно-популярные книги... я рисую свои грядущие коллекции. Может быть (я надеюсь), вскоре я снова обращусь к живописи и буду рисовать обнаженную натуру и пейзаж. Я работаю. Я продолжаю свою карьеру. Я очень люблю свою свободу и бессознательно надеюсь, что теперь по приближении моего 70-летия моя жизнь будет как никогда полна смысла. У меня теперь нет желания рисковать, шокировать. Моя жизнь полна покоя и мудрости.